

Станислав Ямашев

Вертикаль. Сплав

18+

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Сплав

<https://litres.ru/74318529>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дизельпанк-эпопея о цене свободы в мире постапокалипсиса, экономике войны и людях, которые поднимаются с самого низа.

Вторая Вертикаль — это ад. Рабский труд, донорские ячейки, дети, рождённые в бараках, чтобы умереть в неволе. Агент Анка уходит туда добровольцем, чтобы собрать данные для штурма. В Первой Вертикали соискатель Андрей создаёт новую броню из нефтяных отходов и собственной крови — без неё единственный танк не выдержит боя.

Пока Хранитель Алексей собирает коалицию трёх башен, Хозяйка смотрит, как армия надвигается на её цитадель.

Это не просто война. Это рождение Федерации.

В мире, где гражданство заслуживают трудом, герои платят кровью, потом и сталью. Но самая крепкая броня — лишь сплав металла. Настоящий сплав — люди.

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Сплав

ПРОЛОГ. ТРИ ТОЧКИ НА КАРТЕ

Запретка, сектор 7. Ночь.

Она шла уже третий час.

Под ногами хрустела спекшаяся корка — не земля, не камень, а что-то среднее, рождённое кислотой и временем. Где-то слева чернел остов старого моста: ржавые балки, провисшие в пустоту, бетонные опоры, источенные дождем до арматуры. Ветер нёс пыль, мелкую и едкую, и Анка дышала через ткань, прижимая ворот к губам.

Она была одна.

Жетон агента особых поручений № 001 остался в Зале Совета, в верхнем ящике стола Алексея — вместе с гильзой, пластиной пайщика, жетоном Лёхи. Она не взяла их. Оставила, как оставляют прошлое — с той стороны двери, в которую не планируют возвращаться.

Из всех сокровищ при ней была только гайка.

Старая, шестигранная, с сорванной резьбой и пятнами ржавчины. Та самая, которую отец дал ей в день, когда уходил. «Держи, дочка. Вернусь — заберу. Не вернусь — помни: железо не врёт. Если что-то держится на честном слове — зятяни гайкой». Он ушёл к дальним чешуйникам — догово-

риваться о еде для семьи, — и не вернулся. Анка ждала его месяц. Потом год. Потом перестала ждать, но гайку не сняла ни разу. Она носила её на шее, на простом капроновом шнурке, и за десять лет гайка стала частью тела — такой же необходимой, как сердце или лёгкие.

Она коснулась её сейчас — просто чтобы убедиться, что на месте.

Шнурок намок от пота. Гайка была тёплой.

Впереди, на границе слышимости, возник звук.

Сначала — низкий, утробный гул. Дизельный двигатель, работающий на пределе, без глушителя, без жалости к ушам. Потом — лязг металла о металл, ритмичный, как пульс. И наконец — сирена. Высокая, воющая, разрезающая ночь пополам.

Анка остановилась.

Она знала этот звук. Разведка докладывала: «Клешни» — лёгкие багги на шипах, экипаж два чешуйника, вооружение — сетемёт и гарпунная пушка. Они не убивают на месте. Они собирают.

Свет фар ударил из-за остова моста — жёлтый, маслянистый, слепящий.

Анка не побежала.

Она стояла и смотрела, как машина вылетает на открытое пространство. Ржавый каркас, наваренная броня, на капоте — череп с кислотными разводами. Двое в кузове: один за рулём, второй — у сетемёта. Чешуйники. Пластины на ску-

лах отливают серо-зелёным, мембраны на глазах сжимаются от ветра.

Она могла бы уйти. Могла бы нырнуть в тень, раствориться в руинах, как учил Артём. Могла бы остаться агентом, а не жертвой.

Но тогда она не попадёт внутрь.

А ей нужно было попасть внутрь.

Сетемёт выстрелил. Сеть раскрылась в воздухе — тяжёлая, с грузилами по краям, сплетённая из стального волокна. Анка рванулась в сторону — не чтобы уйти, а чтобы выглядело правдоподобно. Сеть накрыла её, прижала к земле. Грузила ударили по рёбрам, выбивая воздух из лёгких. Она дёрнулась раз, другой — и затихла.

Баги остановился в трёх метрах. Хлопнула дверца. Шаги — тяжёлые, с хрустом корки под подошвами. Над ней склонился чешуйник — молодой, с ещё не до конца ороговевшими пластинами на лбу. Мембраны на глазах дрогнули. Он принялся.

— Эта живая, — сказал он. Голос был низким, гортанным, но слова звучали чисто. — И не дёргается. Странная.

Второй, тот, что сидел за рулём, хмыкнул.

— Крепкая?

— Вроде того.

— В техсектор. У этой руки в мазуте. Видишь, пальцы.

Чешуйник кивнул. Он наклонился ниже, провёл когтистой лапой по сети — не больно, скорее изучающе.

— Не боишься, — сказал он. — Совсем. Почему?

Анка смотрела ему в глаза. Сеть давила на плечи. Рёбра ныли. Но она молчала.

Она считала.

Вес сети — двадцать килограммов. Скорость захвата — три секунды. Грузила тупые, не пробивают одежду. Переломов нет. Гематомы будут. Работоспособность сохранена. Внедрение продолжается.

— Ладно, — сказал чешуйник. — В кузов её. И поехали. У нас ещё два сектора до рассвета.

Сеть сняли. Анку подняли — не грубо, скорее деловито. Обыскали быстро, профессионально: руки скользнули по поясу, по карманам. Ничего. Гайку на шнурке не заметили — слишком простая, слишком не похожа на оружие.

Её затолкали в клетку.

«Скотовоз» тронулся.

В кузове пахло бензином, рвотой и страхом. В углу, скрючившись, сидел старик; рядом — женщина с пустым, остановившимся взглядом. Ещё кто-то — не разобрать в темноте. Анка села у борта, прижалась спиной к холодному металлу и закрыла глаза.

Она больше не была агентом особых поручений № 001.

Она была беженкой с Пепельных полей, без имени, без прошлого, без права на помощь.

Пальцы сжали гайку под одеждой — до боли, до хруста в суставах.

— Я вернусь, пап, — прошептала она. — Как обещала. Мотор взревел, и машина понеслась в темноту.

Уровень -6, сборочный цех «Молота».

Лена стояла над плитой брони и молчала.

Плита была расколота пополам. Трещина шла от центра к краю, разветвляясь мелкими змейками, и в каждой змейке блестели крупинки металла — неоднородного, слабого, невыдержавшего. Третий выстрел из ГШ-6-30 разнёс броню в клочья. Если бы это был бой, экипаж уже горел бы.

— Дерьмо, — сказала она. Негромко, без эмоций. Просто констатация факта.

Лена «Масло» не умела ругаться красиво. Она вообще мало что умела, кроме как чинить машины и верить в людей, которые этого стоят. Первое получалось хорошо. Второе — через раз.

— Это не дерьмо, — сказал голос за спиной. — Это неправильный катализатор.

Она обернулась.

Парень стоял у входа в цех — тощий, с обожжёнными руками и серыми глазами, в которых читалась та особая, упрямая одержимость, какую Лена видела только у старых механиков. Звали его Андрей. Соискатель. Сын вершинников, прошедших фильтрацию. Не гражданин. Никто.

Но этот «никто» три дня назад за три минуты исправил бракованный резец, над которым бились трое опытных ма-

стеров. Лена тогда посмотрела на него, хмыкнула и сказала: «Идём со мной».

Теперь он стоял в её цеху и говорил о катализаторах.

— Никель слишком дорог, — продолжал Андрей, подходя ближе. — Его скупают на бирже, вы сами видели сводки. Кто-то играет против нас. Без никеля сталь хрупкая. Но есть замена.

— Ванадий, — сказала Лена.

— Да. В нефтяном шламе с Первого Луча. Там концентрация до трёх процентов. Если прокалить с содой, получим растворимый ванадат. Восстановим углём — будет порошок. Чистый. Для легирования.

Она смотрела на него. Парень говорил спокойно, без рисовки, и руки его не дрожали — хотя Лена знала: он не спал вторые сутки. Химию он знал лучше неё. Металлургию — тоже. Это бесило и восхищало одновременно.

— Откуда данные?

— Отец оставил записи. Он был химиком. Вершинником. — Андрей запнулся на последнем слове, но выдержал паузу. — Его расстреляли после Падения. Но тетради остались.

Лена кивнула. Она помнила те чистки. Помнила, как сама голосовала за трибунал над Вершинниками — не потому, что хотела мести, а потому, что нужно было показать: справедливость есть. Теперь она стояла в цеху с сыном расстрелянного инженера и слушала, как он предлагает сделать броню из отходов.

— Две попытки, — сказала она. — Первую ты уже потратил. Эта плита, — она кивнула на расколотую броню, — была первой попыткой. Осталось две. Потом Совет отзовёт финансирование, и я не смогу их удержать. Понимаешь?

— Понимаю.

— Тогда иди. Работай.

Он кивнул и пошёл к тиглю — тощий, с обожжёнными руками и серыми глазами. Уже не никто. Уже почти свой.

Лена посмотрела ему вслед и вдруг подумала о том, что у этого парня, наверное, никогда не было нормальной одежды. Только роба. Только мазут. Только сталь.

— Андрей, — окликнула она.

Он обернулся.

— Если получится — я куплю тебе куртку. Настоящую. Не из технички.

Он улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка была короткой, на полсекунды, но Лена успела заметить: у него хорошая улыбка. Редкая. Как просвет в облаках над Запреткой.

— Договорились, — сказал он.

И пошёл к тиглю.

Уровень 200+, Зал Совета.

Алексей стоял у карты.

Три огонька горели на ней — Первая Вертикаль, Вторая, Двенадцатая. Карта была старая, ещё довоенная, но координаты нанесли заново: красным — враг, зелёным — союзник,

белым — неизвестность. Белого оставалось много.

За спиной скрипнула дверь.

Он не обернулся. Узнал шаги: тяжёлые, неровные, с упором на левую ногу. Артём.

— Ты должен быть в госпитале, — сказал Алексей.

— Я должен быть там. — Артём кивнул на карту, на точку Второй Вертикали. — С ней.

Он вышел из тени. Бледный, с забинтованным плечом и серыми кругами под глазами — наследие трёх операций и месяца неподвижности. Форма сидела на нём мешковато; он похудел, но взгляд остался прежним. Тот самый взгляд, которым он смотрел на врага в битве за аэропорт. Спокойный. Считающий.

— Сядь, — сказал Алексей.

Артём сел. Плечо отозвалось болью, он поморщился, но смолчал.

— Анка ушла вчера, — сказал Алексей. — Связи нет. Если всё пойдёт по плану, через три дня она будет во Второй Вертикали. Если не пойдёт — мы узнаем об этом не раньше, чем патруль найдёт её тело.

— Я должен был идти с ней.

— Ты должен был выжить. — Алексей повернулся к нему. — Ты был на волосок от смерти. Ещё одна операция — и ты бы не встал. Анка это знала. Поэтому ушла одна.

Артём молчал. Желваки играли на скулах.

— Ты нужен ей живой, — продолжил Алексей. — Не

мёртвый герой. Живой командир. Когда начнётся штурм — а он начнётся, — ты поведёшь людей. И тогда у тебя будет шанс. А пока — лечись. Это приказ.

Артём поднял глаза.

— Ты понимаешь, что она может не вернуться?

— Понимаю.

— И ты всё равно её отправил?

Алексей помолчал. Потом сказал — тихо, без пафоса:

— Я отправил её, потому что она сама попросила. Потому что никто другой не сможет. Потому что она — лучший агент этой Вертикали, и если кто-то способен выжить в аду, то это она. — Он сделал паузу. — И потому что я верю в неё больше, чем в себя.

Артём отвёл взгляд.

В тишине слышно было, как гудит вентиляция — низко, утробно, словно башня дышит. Ртутные лампы мерцали, отбрасывая на карту дрожащие тени.

— Пайковый резерв — сорок дней, — сказал Алексей. — Если начать нормирование — шестьдесят. Хозяйка готовит армию. Блинов говорит, что без новых ресурсов экономика начнёт сыпаться через полгода.

— Значит, у нас полгода.

— У нас меньше. — Алексей коснулся карты пальцем. — Анка соберёт данные. Лена сделает танк. Ты поведёшь людей. И тогда мы ударим.

— А если не успеем?

Алексей посмотрел на него. Глаза у него были старые — не по возрасту, а по опыту. Глаза человека, который отключил Архитектора и с тех пор каждую ночь спрашивает себя, правильно ли он поступил.

— Тогда нас не станет, — сказал он. — Но мы сделаем всё, чтобы успеть.

Артём встал. Плечо снова отозвалось болью, но он уже не морщился.

— Месяц, — сказал он. — Через месяц я встану в строй.

— Я знаю.

— И тогда мы пойдём за ней.

— Да.

Артём кивнул и вышел. Шаги его стихли в коридоре, и Алексей снова остался один — перед картой, перед тремя огоньками, перед войной, которая ещё не началась, но уже забрала слишком многих.

Он коснулся точки на карте — той, где сейчас, в темноте и боли, ехала в клетке его лучший агент.

— Держись, Чешуйка, — прошептал он. — Мы идём.

За стеной гудела вентиляция. В Запретке выл ветер. В цеху на минус шестом уровне молодой соискатель засыпал в тигель первую порцию шлама.

Война только начиналась.

КОНЕЦ ПРОЛОГА

ГЛАВА 1. ШЛАМ

Андрей никогда не считал себя умным.

Он понимал, что это звучит странно. Другие — мастер в цеху, Лена, даже тот вершинник-архивариус, который отказал ему в доступе к архиву, — все они смотрели на него и видели другое. «Вершинский выродок», — говорили одни. «Талант», — говорили другие. И то и другое было неправдой.

Он не был талантлив. Он просто помнил.

Помнил отца — высокого, сутулого, с вечно испачканными реактивами пальцами. Отец работал в химической лаборатории Архитектора, на сто восемьдесят пятом уровне, и дома, в их крошечной комнате на пятом, он продолжал работать. Раскладывал на столе пробирки, заполнял тетради убогим почерком, бормотал формулы. Андрей, тогда ещё мальчишка, сидел рядом и слушал. Не понимал почти ничего. Но запах — смесь аммиака, сероводорода и чего-то ещё, сладковатого, как горелый сахар, — впитался в него навсегда.

Когда пришли люди Совета, отец не сопротивлялся. Сказал только: «Позаботься о матери». И ушёл.

Андрей помнил его спину — прямую, несмотря на сутулость. Помнил, как мать стояла у двери и молчала. Она вообще с тех пор мало говорила. Работала на фермах насекомых, в тепле и вони, и каждый вечер приносила домой запах хитина.

Тетради отца остались. Андрей перечитывал их каждую ночь, пока не выучил наизусть. Не потому, что хотел стать химиком. А потому, что это было единственное, что связывало его с отцом. Единственное, что не могли отнять.

И когда Лена спросила: «Откуда данные?» — он ответил правду. «Отец оставил записи». Он не добавил: «Его расстреляли». Это не требовало добавлений.

Сейчас он стоял у тигля и смотрел на шлам.

Нефтяные отходы с Первого Луча — густая, маслянистая жижа, чёрная с бурыми прожилками. Воняло от неё так, что глаза слезились. Мастер, который привёз первую партию, сказал: «Этим только крыс травить». Андрей кивнул. Спорить было бесполезно.

Отец писал об этом. «Тяжёлые нефтяные остатки содержат до трёх процентов ванадия. При сжигании образуется зола, из которой металл можно извлечь прокаливанием с содой и последующим восстановлением углём». Он даже привёл расчёты: из тонны шлама — до тридцати килограммов чистого порошка. Достаточно, чтобы легировать полторы тонны стали.

Если бы он был жив, он бы сам это сделал.

Андрей зачерпнул шлам лопаткой и перенёс в тигель. Руки двигались сами — он не думал о них. Думал о температуре. Сода у него была — простая, из золы водорослей Запретки, которую мать принесла с ферм. Водоросли сушили,

сжигали, золу выщелачивали — получался карбонат натрия, грязный, но годный. Угля тоже хватало: кокс с того же Первого Луча.

Он смешал шлам с содой и углём, утрамбовал, закрыл крышку. Зажёг горелку.

Пламя лизнуло тигель снизу — синее, с жёлтыми языками. Андрей смотрел на него и считал. Не молился — считал. Температура, время, пропорции. Отец говорил: «Химия — это не магия. Это терпение».

Терпения у Андрея было много. Он ждал десять лет, чтобы доказать то, что отец не успел. Он мог подождать ещё пару часов.

За спиной скрипнула дверь.

— Не спишь.

Это была не Лена. Голос был выше, с хрипотцой. Инга. Инженер-электрик, «Схема», как звали её в цеху. Маленькая, резкая, с неизменной самокруткой за ухом. Она курила даже здесь, в цеху, и никому не позволяла делать замечания.

— Иду на рекорд, — отозвался Андрей. — Третьи сутки без сна.

— Дурак.

— Согласен.

Инга подошла ближе, заглянула в тигель. Сморщила нос.

— Пахнет как в выгребной яме.

— Это будущая броня.

— Это дерьмо.

— Одно другому не мешает.

Инга хмыкнула. За те две недели, что Андрей работал в цеху, она привыкла к его странностям. Он говорил мало, но когда говорил — обычно оказывался прав.

— Лена сказала, у тебя ещё две попытки.

— Я в курсе.

— И что будешь делать, если эта не выйдет?

Андрей не ответил. Он смотрел на пламя. Если эта не выйдет — останется одна. А если и та провалится — «Молот» не пойдёт в серию. Армия Хозяйки разобьёт их в первом же бою. Анка не вернётся. И тогда всё, что он делал, всё, что делал его отец, — станет пылью.

— Выйдет, — сказал он.

— Откуда такая уверенность?

— Я считал.

Инга посмотрела на него долгим взглядом. Потом вытащила из-за уха самокрутку, прикурила от горелки — просто, по-свойски — и выпустила дым в потолок.

— Станный ты, Андрей. Но я тебе почти поверила. Если выйдет — поставлю пиво.

— Ты же не пьёшь.

— Для такого случая найду.

Она хлопнула его по плечу и вышла. Андрей остался один.

Он сидел у тигля и смотрел на пламя. Два часа до готовности. Два часа до того, как он узнает, был ли прав его отец.

Пальцы коснулись кармана, где лежал старый отцовский

карандаш — огрызок с треснувшим грифелем. Он носил его с собой всегда. Не как талисман — как напоминание. Отец писал этим карандашом свои формулы. Теперь Андрей писал им свои.

— Я докажу, пап, — прошептал он. — Обещаю.

Пламя гудело. Тигель нагревался. Ночь за стенами цеха сменялась утром, но Андрей этого не замечал.

Он считал.

ГЛАВА 2. СОРТИРОВКА

Скотовоз остановился.

Анка почувствовала это не глазами — в кузове было темно, хоть глаз выколи, — а телом. Исчезла вибрация дизеля, передававшаяся через металлический пол. Наступила тишина — глубокая, вязкая, нарушаемая только дыханием пленников и далёким, утробным гулом, который шёл, казалось, отовсюду.

Старик в углу закашлялся. Женщина с пустым взглядом даже не пошевелилась. Кто-то всхлипнул.

Анка открыла глаза.

Она не спала — не могла спать. Три часа в дороге она считала. Количество поворотов (семнадцать), среднюю скорость (сорок километров в час), расстояние до базы (около ста двадцати километров от точки захвата). Бесполезные данные. Но они помогали не думать о рёбрах, которые ныли после удара о землю.

Загремел засов. Дверь распахнулась, и в кузов хлынул свет — жёлтый, маслянистый, смешанный с дымом. Анка зазмурилась на секунду, а когда открыла глаза — увидела то, что не могла представить по сводкам разведки.

Башня.

Она возвышалась над ними, уходя в серое небо, и была такой же высоты, как Первая Вертикаль, но на этом сходство заканчивалось. Броня башни — та самая коррозионно-стойкая сталь, которая защищала их собственный дом, — здесь была не видна. Её скрывали тонны наваренного металла: трубы, контейнеры, мостки, ржавые лестницы, каркасы, платформы. Башня напоминала муравейник, облепленный паразитами. Из тысяч труб вырывался чёрный дым, смешиваясь с серым облачным покровом. У подножия, опоясывая башню, горел ров — широкая канава, заполненная горящей нефтью. Огонь лизал бетонные берега, и жар достигал даже сюда, за полсотни метров.

— На выход! — рывкнул чешуйник. Тот самый, молодой, с не до конца ороговевшими пластинами. — Живо! Шевелитесь, падаль!

Пленники зашевелились. Старик попытался встать и не смог — ноги подкосились. Он рухнул обратно на пол, ударившись локтем о металл.

— Я не могу, — прошептал он. — Ноги... не держат...

Чешуйник шагнул к нему, схватил за шиворот и рывком поднял в воздух. Старик захрипел, задёргал ногами.

— Не можешь — значит, бесполезен, — сказал чешуйник и швырнул его к выходу. Старик пролетел метр и рухнул на бетон уже снаружи, вскрикнув от боли.

Женщина рядом с Анкой вдруг ожила. Пустой взгляд смеялся диким, затравленным.

— Не трогайте меня! — закричала она. — У меня дети! Двое! Они ждут! Не трогайте, сволочи, я вам не скот!

Она бросилась на чешуйника — не разумно, не с расчётом, а так, как бросается загнанное животное: с кулаками, с визгом, с пеной на губах. Чешуйник даже не пошевелился. Он принял её удар в грудь — женщина была лёгкой, истощённой, её кулаки не могли пробить ороговевшие пластины, — и коротко, без замаха, ударил её в лицо.

Хрустнул нос. Кровь брызнула на ржавый пол.

Женщина отшатнулась, зажала лицо ладонями, завывала — низко, утробно, страшно. Чешуйник схватил её за волосы и потащил к выходу.

— Дети! — кричала она, захлёбываясь кровью. — У меня дети! Пожалуйста! Дайте мне уйти! Я вернусь! Я приведу ещё людей! Только дайте уйти!

Её выволокли наружу и бросили на бетон рядом со стариком. Она попыталась подняться, но второй чешуйник — тот, что сидел за рулём, — пнул её в рёбра. Женщина сложилась пополам и затихла. Не умерла — дышала, хрипло, с присвистом, — но больше не кричала.

Анка стояла и смотрела. Пальцы сжали гайку под одеж-

дой — до боли, до хруста в суставах. Она считала. Один. Два. Три. Пока пульс не перестанет стучать в висках. Четыре. Пять. Шесть. Пока ярость не превратится в инструмент, а не в приговор.

Она могла бы вмешаться. Могла бы сломать чешуйнику гортань — один удар, отработанный на тренировках. Могла бы выхватить нож из его пояса и вскрыть второго.

И погубить всю миссию.

Двое чешуйников в кузове. Ещё трое снаружи — слышны голоса. Пятеро против одной. Даже если уложить двоих, остальные поднимут тревогу. Внедрение провалено. Данные не собраны. Вторая Вертикаль не освобождена.

Она разжала пальцы.

— Выходим! — крикнул чешуйник. — Все! По одному! Без фокусов!

Их выстроили в колонну и погнали к воротам.

Ворота были не такие, как в Первой Вертикали. Там — бронированные створки, герметичные шлюзы, КПП с проверкой жетонов. Здесь — решётка из сваренных рельсов, подвешенная на цепях. Над ней — череп на пике. Не муляж, не ритуальный символ. Настоящий. Человеческий. С ещё не до конца обгнившей плотью.

Анка прошла под ним и не перекрестилась.

Внутри башни пахло иначе.

Она ожидала вони — пота, мочи, гниющей плоти. Это тоже было, но не главное. Главным был запах горелого масла и

раскалённого металла. Где-то рядом работали печи — много печей, — и их жар волнами проходил сквозь стены.

И гул.

Тот самый низкий, утробный гул, который она слышала ещё снаружи, здесь стал громче. Он шёл не от реактора — она знала звук реактора, ровный, как дыхание спящего. Этот был другим: ритмичным, будто где-то глубоко внизу срабатывали клапаны гигантских компрессоров.

— Поршень, — прошептала женщина с разбитым носом. Она шла, шатаясь, поддерживаемая стариком. Кровь ещё капала с подбородка, но взгляд снова стал пустым. — Великий Поршень...

Анка мысленно поставила метку. Не религия, не метафора. Термин. Вероятно, узел или агрегат. Запомнить. Позже сопоставить с данными о башне.

Их привели в загон.

Это был огромный ангар без перегородок — бывший склад или ремонтный цех, переделанный под сортировочный пункт. Пол — голый бетон, покрытый пятнами. Стены — ржавый металл, усиленный балками. Под потолком горели лампы — не ртутные, как в Первой Вертикали, а масляные, коптящие, дающие неровный, дрожащий свет. Над дверью с надписью «УТИЛЬ» тикал механический счётчик — щёлкал цифрами при каждом новом пленнике. Сейчас на нём горело число 1847.

Вдоль стен стояли чешуйники. Не те, что ловили в Запрет-

ке — те были в промасленных комбинезонах, обычные рейдеры. Эти были другими. Чёрные мундиры с нашитыми пластинами хитина. Высокие сапоги с металлическими вставками. На поясах — дубинки, у некоторых — ножи. Лица — если можно назвать лицами ороговевшие маски с мембранами вместо век — выражали спокойствие. Не злобу. Не жестокость. Хуже. Профессиональное равнодушие.

«Ржавые Клыки». Элита Хозяйки.

Один из них шагнул вперёд. Старший — по нашивкам на воротнике, по тому, как расступались перед ним остальные. Высокий, массивный, с полностью ороговевшим гребнем, идущим от лба к затылку. Пластины на скулах были не серо-зелёными, а тёмно-коричневыми — старыми, много раз обновлявшимися. Глаза — узкие щёлки с вертикальными зрачками.

Он обвёл строй пленников взглядом и сказал — негромко, но так, что слышали все:

— Вы — ресурс. Не люди. Не граждане. Ресурс. Ваша ценность определяется вашей полезностью. Полезные будут жить. Бесполезные будут утилизированы. Вопросы?

— Какие, на хрен, вопросы?! — выкрикнул молодой парень из середины строя. Крепкий, широкоплечий, с руками, покрытыми шрамами. — Вы кто такие, чтобы нас сортировать? Мы не скот!

Чешуйник повернул голову в его сторону. Медленно. Почти лениво.

— Ты — скот, — сказал он. — Просто ты этого ещё не понял.

— Да пошёл ты! — Парень рванулся вперёд, растолкав соседей. — Я свободный человек! Я не ресурс! Я...

Дубинка ударила его в живот. Парень сложился пополам, захрипел. Второй удар — по спине, между лопаток. Он рухнул на колени. Третий — по затылку, короткий, точный. Парень упал лицом в бетон и затих. Из-под головы потекла кровь — густая, тёмная, смешиваясь с грязью.

— Ещё вопросы? — спросил чешуйник.

Никто не ответил.

— Сортировка. Начинаем.

Пленников выстроили в очередь. Первым пошёл старик — тот самый, из кузова. Он уже не дрожал — просто стоял, опустив плечи, глядя в пол. Чешуйник осмотрел его — быстро, как осматривают скотину: зубы, руки, спину. Взял за запястье, сжал — старик вскрикнул.

— Кости хрупкие. Мышц нет. В утиль.

Старший не повысил голоса, но второй чешуйник тут же шагнул к двери «УТИЛЬ» и провернул колесо-затвор. Металл скрипнул, словно башня вздохнула. Анка отметила: у них протокол. Значит, их можно просчитать.

Старика оттащили в сторону. Он не кричал. Только у двери вдруг обернулся и сказал — тихо, почти спокойно:

— Будьте вы прокляты. Все. И ваша Хозяйка. И ваш Поршень. Чтоб вы сдохли в огне.

Чешуйник даже не обернулся. Дверь открылась, оттуда пахнуло холодом. Счётчик над дверью щёлкнул — 1848. Дверь закрылась. Больше старика не видели.

Женщина с разбитым носом пошла следующей. Она уже не кричала — лицо опухло, глаза заплыли, но держалась прямо. Чешуйник осмотрел её, хмыкнул:

— Возраст. Истощение. В утиль.

— Дети, — сказала она. Голос был глухим, как из-под земли. — Двое. Мальчик и девочка. Они ждут меня. Если я не вернусь — они умрут. Вы понимаете это? Вы, твари, понимаете, что значит — дети?

Чешуйник посмотрел на неё. Впервые за всё время в его глазах что-то мелькнуло — не жалость, нет. Скорее тень мысли.

— Дети — тоже ресурс, — сказал он. — Если живы — найдут применение. Ты — нет. В утиль.

Женщина плюнула ему в лицо. Сгусток крови и слюны ударил в ороговевшую пластину на скуле и медленно сполз вниз. Чешуйник замер. В зале стало тихо — так тихо, что слышно было, как потрескивают масляные лампы под потолком.

Он вытер лицо тыльной стороной ладони. Посмотрел на женщину. Потом ударил её — не дубинкой, кулаком, в висок. Женщина рухнула как подкошенная. Из уха потекла кровь. Счётчик щёлкнул — 1849.

— В утиль, — повторил он. — Живую. Пусть там подох-

нет.

Её подхватили под руки и поволокли к двери. Она не шевелилась. Анка смотрела на неё и запоминала. Лицо. Номер на нашивке чешуйника. Всё.

Она считала.

Настала её очередь.

Чешуйник шагнул к ней. Анка стояла ровно, не дрожала, не отводила взгляд. Он принялся — мембраны на глазах дрогнули, расширились. Она понимала, что он чувствует: пот, усталость, остатки мазута на пальцах, кровь из ссадины на виске. Но ещё — отсутствие страха.

— Ты не боишься, — сказал чешуйник. Те же слова, что и тот, в Запретке. Те же интонации. — Почему?

— А смысл? — ответила Анка.

Чешуйник склонил голову набок. Жест был почти птичьим — быстрым, резким.

— Смысл в том, что страх помогает выжить.

— Страх помогает бежать. Мне некуда бежать.

Он смотрел на неё долго — дольше, чем на других. Потом взял её за подбородок, повернул лицо к свету, осмотрел зубы. Опустил взгляд на руки. Пальцы у неё были в мазуте — старом, въевшемся, который не смывается за один раз. Ногти короткие, обломанные. Ладони в мозолях.

— Руки рабочие, — сказал он. — Глаза умные. В техсектор.

Он махнул рукой, и Анку толкнули в другую сторону —

туда, где стояли те, кого отобрали для работы. Она не обернулась. Не посмотрела на дверь с надписью «УТИЛЬ». Не позволила себе.

Внутри она считала.

Старик — утиль. Женщина — утиль. Парень со шрамами — без сознания, вероятно, тоже утиль. Из десяти пленников, прибывших в этом «Скотовозе», в техсектор попали трое. Остальные семь — в дробилку. Процент отбора — тридцать. Если так и дальше, то средняя продолжительность жизни раба — две недели.

Данные были бесполезны. Но они помогали не думать о том, что она только что видела.

— Ты, — раздался голос.

Анка повернулась. Перед ней стояла женщина — невысокая, с резкими чертами лица и усталыми глазами. Одежда — техническая роба, чистая, но застиранная до дыр. На поясе — пояс с инструментами. Пальцы в мазуте — таком же, как у Анки. Взгляд — оценивающий, цепкий, но не враждебный.

— Меня зовут Саша, — сказала она. — Я старший техник третьего сектора. Ты пойдёшь со мной.

Анка кивнула.

Саша оглядела её ещё раз — с головы до ног, — и вдруг спросила:

— Ты умеешь считать?

— Что?

— Ты считала, — сказала Саша. — Я видела твои губы.

Ты что-то считала, пока стояла в очереди. Что?

Анка помолчала. Потом ответила:

— Процент отбора.

— И какой?

— Тридцать.

Саша усмехнулась — коротко, без веселья.

— Ошиблась. Двадцать восемь. Старика и женщину не считай — они уже были мертвы, просто ещё дышали. — Она кивнула в сторону двери. — Пошли. Здесь нельзя стоять на месте. Заметят — пойдёшь в утиль, и твой процент уже никому не пригодится.

Она пошла, и Анка пошла за ней — в глубь башни, в гул и жар, в сердце ада, который ей предстояло изучить до последнего винтика.

Гайка на шнурке была тёплой. Она касалась кожи при каждом шаге.

ГЛАВА 3. ЯДРО

Алексей не спал.

Это не было бессонницей — он мог заснуть, когда хотел, и просыпался ровно тогда, когда приказывал себе проснуться. Этому он научился ещё при Архитекторе, в те времена, когда Хранителей тренировали как оружие: тело — инструмент, разум — вычислительная машина, эмоции — ошибка.

Но сегодня он не спал не потому, что не мог. Он не спал, потому что не хотел.

Спать — значит отключаться. Отключаться — значит те-

рять контроль. А контроль был нужен ему сейчас больше, чем когда-либо.

Он стоял у карты. Три огонька горели на ней — Первая Вертикаль, Вторая, Двенадцатая. Карта была старая, ещё довоенная, но координаты нанесли заново: красным — враг, зелёным — союзник, белым — неизвестность. Белого оставалось много.

За спиной скрипнула дверь. Он не обернулся. Знал, кто это: Блинов. Только Блинов ходил так — тихо, но тяжело, как человек, привыкший носить на плечах больше, чем может выдержать один позвоночник.

— Третьи сутки без сна, — сказал Блинов. — Я считал.

— Я тоже. Сто сорок четыре часа. Достаточно, чтобы просчитать три сценария прорыва, но недостаточно, чтобы понять, какой из них правильный.

Блинов хмыкнул. Он подошёл ближе, остановился рядом с картой. Помолчал. Потом сказал — тихо, без обычной лекторской интонации:

— Мои подсчёты говорят, что вы себя убьёте.

— Ваши подсчёты говорят, что мы все себя убьём через полгода.

— Я не об этом. Я о том, что вы — единственный, кто держит Совет. Если вы сломаетесь, сломается всё.

Алексей повернулся к нему. Лицо Блинова было бледным в свете ртутных ламп, морщины у глаз — глубже обычного. Он выглядел старым. Все они выглядели старыми в послед-

ние недели.

— Я не сломаюсь, — сказал Алексей. — Я просто не хочу спать.

— Почему?

— Потому что когда я сплю, я вижу Анку в клетке. И ничего не могу сделать.

Блинов ничего не ответил. Он стоял и смотрел на карту — туда, где красная точка Второй Вертикали горела ярче других.

— Я могу чем-то помочь? — спросил он наконец.

— Можете. Идите спать. Завтра у вас доклад перед Советом.

Блинов кивнул и вышел. Алексей снова остался один.

Он постоял ещё минуту, глядя на карту. Потом повернулся и пошёл к лифту.

Лифт шёл вверх.

Двести уровней, двести этажей, двести слоёв стали, бетона и человеческой жизни. Алексей ехал один — в такое время суток пассажирские лифты пустовали. Только грузовые платформы гудели где-то за стеной, поднимая наверх детали для «Молота» и спуская вниз отработанный шлам.

На сто восьмидесятом уровне лифт остановился. Двери открылись, и вошёл Оператор Реактора — тот самый, что всегда молчал. Высокий, сутулый, с руками, покрытыми шрамами от старых ожогов. Он кивнул Алексею и встал ря-

дом, глядя прямо перед собой.

— Не спится? — спросил Алексей.

— Реактор не спит. Я — тоже.

Они помолчали. Лифт тронулся.

— Мой сын погиб в «Горизонте», — сказал вдруг Оператор. — Вы знали?

— Да.

— Он пошёл добровольцем. Я не отговаривал. — Он помолчал. — Теперь, когда я смотрю на карту, я думаю: может, зря не отговорил. Может, надо было запереть его дома. Но тогда какой смысл в том, что мы строим? Если мы не готовы посылать своих детей на войну — зачем мы вообще воюем?

Алексей посмотрел на него. Лицо Оператора было спокойным, но пальцы, сжимавшие поручень, побелели.

— Мы воюем не ради войны, — сказал Алексей. — Мы воюем ради того, чтобы у наших детей был выбор. Ваш сын сделал свой выбор. Анка сделала свой. Мы должны уважать это — иначе мы не лучше Хозяйки.

Оператор кивнул. Он ничего не сказал, но пальцы на поручне расслабились.

На двухсотом уровне он вышел. Алексей поехал дальше.

Ядро Архитектора находилось на двести двадцатом уровне — выше Зала Совета, выше всего, что было доступно обычным гражданам. Сюда не ходили лифты. Сюда вела только одна лестница — узкая, винтовая, с вытертыми до

блеска ступенями.

Алексей поднимался медленно. Он не торопился. Он знал, что ждёт его наверху, и не хотел встречаться с этим раньше времени.

Дверь в ядро была стальной, без ручки, без замка. Она открывалась только на голос — на тот самый голос, который когда-то принадлежал Архитектору. Теперь этот голос принадлежал Алексею.

— Открой, — сказал он. Дверь скользнула в сторону.

Внутри было темно.

Ртутные лампы здесь не горели — только аварийные индикаторы мерцали красным и синим, отбрасывая на стены длинные, дрожащие тени. Воздух был холодным и сухим — таким холодным, что изо рта шёл пар. Архитектор мёртв, но системы охлаждения его ядра продолжали работать.

В центре зала возвышался он.

Огромный, во всю стену, цилиндр из матового стекла и тёмного металла. Внутри него когда-то пульсировали световые волны — мысли Архитектора, его расчёты, его приказы. Теперь цилиндр был тёмен. Ни огонька. Ни звука.

Алексей подошёл ближе и положил ладонь на холодное стекло.

— Я пришёл, — сказал он.

Тишина.

Он ждал. Он знал, что ответа не будет — Архитектор мёртв уже десять лет, и за все эти десять лет ни разу, ни на

секунду, не подал признаков жизни. Но каждый раз, когда Алексей приходил сюда, он надеялся. Не на чудо — на что-то другое. На то, что ему ответят. Что скажут: «Ты всё делаешь правильно». Или: «Ты ошибаешься». Что угодно. Лишь бы не эта тишина.

— Анка ушла, — сказал он. — Она сейчас во Второй Вертикали. Одна. Без связи. Без поддержки. Я отправил её туда, потому что она попросила. Потому что никто другой не смог бы. Потому что она — лучшая из нас. — Он помолчал. — И потому что я верю в неё больше, чем в себя.

Тишина.

— Лена делает танк, — продолжал он. — Точнее, не она одна. Там есть парень, Андрей. Сын расстрелянного вершинника. Он нашёл способ извлечь ванадий из нефтяного шлама. Если получится — у нас будет броня, которая выдержит прямой удар. Если нет — мы пойдём в бой с тем, что есть. И, возможно, не вернёмся.

Тишина.

— Артём рвётся в бой. Я держу его в госпитале. Он ненавидит меня за это. Я сам ненавижу себя за это. Но если я пущу его раньше времени — он погибнет. И она не простит мне. Она не простит мне, понимаешь?..

Он замолчал.

Тишина.

Алексей убрал ладонь со стекла и отошёл на шаг. Он смотрел на тёмный цилиндр и думал о том, что Архитектор, на-

верное, был прав. Чувства — это ошибка. В старых протоколах даже был пункт: «эмоциональная нестабильность снижает коэффициент эффективности». Архитектор строил мир, где человек должен был стать идеальным инструментом.

Но Архитектор мёртв. А он, Алексей, жив. И пока он жив, он будет чувствовать.

— Я не знаю, правильно ли я поступаю, — сказал он. — Я не знаю, выживет ли она. Я не знаю, справится ли Андрей. Я не знаю, удержим ли мы Совет. Я не знаю ничего. — Он перевёл дыхание. — Но я сделаю всё, что смогу.

Тишина.

И вдруг — звук.

Не голос. Не слово. Даже не сигнал. Просто щелчок. Короткий, сухой, как будто реле замкнулось где-то внутри цилиндра. И ещё один. И ещё.

Алексей замер.

Индикаторы на стенах моргнули. Раз. Другой. На третий раз они загорелись ровным, мягким светом — не красным, не синим, а белым. Тёплым. Живым. В глубине цилиндра что-то тихо щёлкнуло, и по стеклу пробежала едва заметная рябь — будто по поверхности старого экрана прошла волна самодиагностики.

Цилиндр оставался тёмным. Но внутри него что-то изменилось. Алексей не видел этого глазами — он чувствовал это кожей. Как будто кто-то, кто спал десять лет, перевернулся во сне.

— Ты слышишь меня? — прошептал он.

Тишина.

Но теперь это была другая тишина. Не пустая. Наполненная.

Алексей стоял и смотрел на цилиндр. Сердце колотилось так, что отдавало в виски. Он не знал, что это значит. Не знал, проснулся ли Архитектор, или просто сработала какая-то древняя автоматика. Но одно он знал точно: что-то изменилось.

И когда он спускался по винтовой лестнице обратно — вниз, к карте, к Совету, к войне, которая ещё не началась, но уже забрала слишком многих, — он чувствовал, как в груди теплится то, чего он не позволял себе уже десять лет.

Надежда.

.

ГЛАВА 4. АРХИВ

Андрей никогда не видел верхних уровней.

Он знал, что они существуют — чистые, светлые, с высокими потолками и ртутными лампами без единой трещины в стекле. Знал, что там работают люди в белых халатах, а не в промасленных робах. Знал, что воздух там пахнет озоном, а не мазутом.

Но одно дело — знать. Другое — увидеть.

— Закрой рот, — сказала Лена. — Ты выглядишь как соискатель.

— Я и есть соискатель.

— Вот именно. Не подтверждай.

Она шла впереди, широкая, уверенная, в своей неизменной промасленной куртке, и её присутствие действовало на Андрея странно успокаивающе. Как будто рядом с ней он мог не бояться. Не за себя — за неё. За то, что её репутация пострадает из-за того, что она привела на верхние уровни «вершинского выродка».

Лифт остановился на сто восемьдесят пятом уровне. Двери открылись, и Андрей шагнул в Проектное бюро.

Здесь было тихо.

Не так тихо, как в ядре Архитектора — он никогда там не был, но слышал рассказы, — а по-другому. Тихо, как в библиотеке. Тихо, как в операционной. Воздух был сухим и прохладным, с лёгким привкусом озона. Ртутные лампы горели ровно, без мерцания, и свет их был белым, почти солнечным. Пол — гладкий бетон, без пятен, без трещин. Стены — серые, чистые, с чертёжными досками и полками для бумаг.

Люди здесь носили белые халаты поверх обычных комбинезонов — не промасленные, не грязные, а чистые, выглаженные. Они ходили медленно, говорили вполголоса, и на Андрея никто не смотрел. Вернее, смотрели — мельком, искоса, — но тут же отводили взгляд, словно он был предметом обстановки. Сломанным стулом, который ещё не вынесли.

— Они все — вершинники? — спросил он.

— Бывшие, — ответила Лена. — Те, кто прошёл фильтрацию. Работают здесь. Проектируют, считают, хранят архивы.

— Она помолчала. — Твой отец работал здесь.

— Я помню.

— Тогда ты понимаешь, почему они на тебя так смотрят.

Он понимал. Его отец был вершинником, но не «бывшим». Его расстреляли. А те, кто выжил, — те, кто сотрудничал со следствием и прошёл фильтрацию, — теперь работали здесь и смотрели на сына расстрелянного как на ходячее напоминание о том, что с ними могло случиться то же самое.

Лена подошла к массивной двери с надписью «АРХИВ. ДОПУСК А». Приложила ладонь к считывающей панели. Панель пискнула и загорелась зелёным. Дверь открылась.

Внутри пахло старой бумагой.

Это был огромный зал, уставленный стеллажами от пола до потолка. На стеллажах — папки, тетради, рулоны чертежей, перевязанные бечёвкой. Где-то в глубине гудел вентилятор, и воздух шевелил пылинки, танцующие в луче ртутной лампы.

За столом у входа сидел человек.

Он был стар. Очень стар — так стар, что кожа на лице напоминала пергамент, а руки, лежавшие на столе, казались прозрачными. Глаза — бледно-голубые, выцветшие — смотрели на вошедших без всякого выражения. Белый халат сидел на нём как на вешалке.

— Архивариус Глеб, — сказала Лена. — Нам нужны записи по химическому составу нефтяного шлама. Сектор семь, Первый Лучевой. Анализы за период до Падения.

Старик не пошевелился. Он перевёл взгляд с Лены на Андрея, и его глаза чуть сузились.

— Соискателям вход в архив запрещён, — сказал он. Голос был сухим, как шелест бумаги. — Пункт четыре-семь Правил внутреннего распорядка.

— Он не просто соискатель, — сказала Лена. — Он работает над проектом «Молот». У него допуск от Хранителя.

— Допуск от Хранителя даёт право на вход. Но не на доступ к архиву. Архив — это не проект. Архив — это память Вертикали. Память не для всех.

Андрей слушал и молчал. Он знал, что спорить бесполезно. Старик не был злым — он просто выполнял правила. Те самые правила, которые он сам, наверное, помнил наизусть. Пункт четыре-семь. Пункт шесть-два. Пункт девять-одиннадцать. Вся его жизнь состояла из пунктов.

— Вы служили при Архитекторе, — сказал Андрей.

Старик перевёл взгляд на него.

— Я служу и сейчас. Архитектор мёртв, но порядок остался. Порядок — это всё, что у нас есть.

— Мой отец тоже так говорил. Его звали Виктор. Виктор Сомов. Он работал здесь. В этом архиве. У него был допуск «Б».

В глазах старика что-то мелькнуло — не узнавание, нет.

Скорее тень воспоминания, как рябь на воде.

— Сомов, — повторил он. — Химик. Ванадий.

— Да. Он изучал ванадий. И я продолжаю его работу.

Старик молчал. Пауза затянулась. Вентилятор гудел, пылинки танцевали.

— Пункт четыре-восемь, — сказал наконец архивариус.

— В случае прямой производственной необходимости доступ к архиву может быть предоставлен соискателю, если за него поручается гражданин с уровнем допуска не ниже «А».

Лена шагнула вперёд и положила на стол свой жетон.

— Я поручаюсь. Лена «Масло». Допуск «А». Проект «Молот».

Старик взял жетон, осмотрел его, проверил что-то в своём списке. Потом кивнул.

— Следуйте за мной.

Он встал — медленно, с трудом, опираясь на стол, — и пошёл в глубь архива. Лена и Андрей двинулись за ним.

Они шли мимо стеллажей, и Андрей читал надписи на корешках папок. «Состав стали. Плавка № 47». «Катализаторы. Обзор». «Нефтяные фракции. Анализ». Всё это было сделано до него. До Падения. До войны. Люди, которых уже нет, оставили эти записи — и теперь они лежали здесь, никому не нужные.

Кроме него.

— Здесь, — сказал старик, останавливаясь у дальнего стеллажа. — Сектор семь. Нефтяной шлам. Анализы с Пер-

вого Луча. Что именно вам нужно?

— Всё, — сказал Андрей.

Старик посмотрел на него. Долго. Потом кивнул — словно что-то для себя решил.

— Ваш отец, — сказал он, — был хорошим химиком. Он не заслужил того, что с ним случилось.

— Я знаю.

— И вы не заслуживаете того, чтобы вас называли вырождением.

Андрей промолчал.

Старик снял с полки папку — тяжёлую, в потёртом картонном переплёте, — и протянул ему.

— Держите. И возвращайте в срок. Пункт пять-один.

Андрей взял папку. Пальцы коснулись картона — и на секунду он почувствовал запах. Не старой бумаги. Не пыли. А тот самый, из детства: аммиак, сероводород и что-то сладковатое, как горелый сахар.

Отец.

— Спасибо, — сказал он.

Старик ничего не ответил. Он уже шёл обратно к своему столу — медленно, опираясь на стеллажи. Шаги его были тихими, как шелест бумаги.

ГЛАВА 5. ТРЕТИЙ НАСОС

Саша привела Анку в дальний конец мастерской.

Здесь было темнее — всего две масляные лампы на весь отсек, — и тише: гул Поршня доходил сюда приглушённым,

как через толщу воды. Вдоль стены тянулись три насоса, каждый размером с небольшой шкаф, соединённые трубами с потолком. От них шёл ровный, низкий гул — тот самый, который Анка чувствовала не столько ушами, сколько грудью. Вибрация проходила сквозь бетонный пол и отдавалась в зубах.

— Контур охлаждения, — сказала Саша. — Поршень — это огромный дизель. Судовой двигатель, несколько тысяч лошадиных сил. Он работает без остановки уже десять лет. Если он перегреется и встанет — башня умрёт за час. Третий насос — крайний слева — барахлит уже месяц. Мы его чиним, а он опять клинит. Крыльчатку меняли дважды. Подшипники — трижды. Я думаю, дело в гидравлике. Но добраться до неё не можем — нет инструмента.

— Какого?

— Ключ-захват. Тонкий, длинный, с поворотной головкой. У нас был один, но сломался полгода назад. Новый сделать не из чего — сталь не та. А без него гидравлический узел не разобрать.

Анка подошла ближе к насосу. Тот гудел неровно, с перебоями — как сердце, которое вот-вот остановится. Она положила ладонь на корпус. Металл был тёплым и вибрировал, и в этой вибрации чувствовалось что-то неправильное. Не поломка — предчувствие поломки.

— Можно посмотреть?

Саша пожала плечами.

— Смотри. Только не трогай ничего. Если насос встанет — давление упадёт, Поршень перегреется, и нам конец.

Анка обошла агрегат кругом. Корпус был старым, много раз латанным: сварные швы, заплатки, болты разного калибра. Кто-то чинил этот насос годами, и каждый раз — на скорую руку, без нужных деталей. Она присела на корточки и заглянула в смотровое отверстие — узкую щель, забранную мутным плексигласом.

Внутри что-то вращалось. Медленно. С натугой.

— Видишь? — спросила Саша. — Крыльчатка целая, но поток слабый. Я думаю, где-то в гидравлике засор. Может, стружка. Может, окалина. Но без ключа не добраться.

— А если не разбирать?

— А как?

Анка выпрямилась и посмотрела на насосный узел целиком. Три агрегата, соединённые последовательно. Если третий клинит, можно попробовать перенаправить поток через второй, увеличив его мощность. Это не решит проблему, но даст время.

Если я предложу байпас — покажу, что разбираюсь в системах. Варг может заметить. Если промолчу — насос встанет, и мы все умрём.

— У вас есть байпас?

— Что?

— Обводная линия. Если пустить охлаждение в обход третьего насоса, второй справится. Не на полную мощность,

но Поршень не перегреется.

Саша посмотрела на неё. Долго. Потом усмехнулась — той самой усмешкой, без веселья.

— Ты не просто с механикой разбираешься, — сказала она. — Ты понимаешь, как устроена система.

— Я работала на насосах. Давно. В другой жизни.

— В другой жизни, — повторила Саша. — Хорошая формулировка. У всех нас здесь была другая жизнь. — Она помолчала. — Байпас есть. Но чтобы его открыть, нужно переключить три клапана. Два из них закисли — не поворачиваются.

— Нужна смазка. Графитовая.

— Откуда ты знаешь про графитовую смазку?

Анка выдержала паузу. Ровно столько, сколько нужно, чтобы ответ не выглядел заученным.

— У меня был учитель. Он говорил: графит — лучший друг механики. Не смывается кислотой.

Саша кивнула. Кажется, ответ её устроил.

— Графит есть. У Миши. Тот рыжий парень, который с тобой говорил. Он отвечает за смазку. — Она помолчала. — Значит, план такой: ты помогаешь мне с байпасом, я даю тебе ночлег. Идёт?

— Идёт.

— Тогда пошли за графитом. Заодно познакомлю тебя с остальными.

Она повернулась, чтобы идти — и замерла.

В дальнем конце прохода, у входа в насосный отсек, стоял человек.

Он был неестественно худ, будто кожа обтягивала кости без единой прослойки жира. Одет не в серую робу, как все, а в тёмный, почти чёрный костюм старого покроя — такие носили вершинники до Падения. На плечах — короткий плащ из плотной ткани. На поясе — планшет с бумагами и тонкий, длинный предмет в чехле, который мог быть и указкой, и чем-то иным.

Лицо — узкое, бледное, с высокими скулами и тонкими губами. Глаза — светло-серые, почти бесцветные, с вертикальными зрачками, как у чешуйников. Но это был не чешуйник. Пластин на коже не было. Только шрам — длинный, рваный, идущий от виска к углу рта, — который делал его лицо асимметричным, словно разбитым и собранным заново.

Саша замерла. Анка увидела, как побелели её пальцы, сжимавшие гаечный ключ.

— Господин Варг, — сказала она. Голос был ровным, но Анка слышала в нём то, чего не слышала раньше. Страх.

Человек шагнул вперёд. Движения у него были плавными, текучими, как у хищника, который никуда не торопится.

— Третий насос, — сказал он. Голос был тихим, почти шёпотом, но каждое слово звучало отчётливо. — Я слышал вибрацию. Она изменилась.

— Мы работаем над этим, господин Варг, — сказала Са-

ша. — Новенькая предложила байпас. Мы как раз шли за графитом.

— Новенькая.

Варг перевёл взгляд на Анку. Она почувствовала, как по спине пробежал холодок — не от страха, а от чего-то иного. От ощущения, что её изучают. Не как пленницу. Не как работницу. Как образец.

Он подошёл ближе. Остановился в метре. Наклонил голову — тот самый птичий жест, который Анка видела у чешуйников, но здесь он был более осознанным и оттого более жутким.

— Имя, — сказал он.

— Анка.

— Откуда?

— Пепельные поля.

Он слушал. Не слова — дыхание. Анка видела, как дрогнули его ноздри, как чуть изменился ритм его собственно-го дыхания — он подстраивался под неё, ловил малейшую неровность.

— Ложь, — сказал он буднично. Так, как говорят «вода мокрая» или «сталь твёрдая». Констатация факта.

Анка замерла. Варг провёл пальцем по её щеке — не больно, но ощутимо. Кожа у него была холодной.

— Ты не с Пепельных полей, — сказал он. — У тебя руки в мазуте, но мазут старый. Въевшийся. Такой бывает у тех, кто работал с машинами годами, а не у тех, кто выживал

на равнине. Ты пахнешь металлом и графитом. Ты пахнешь знанием.

Он отступил на шаг. Посмотрел на Сашу.

— Она умна. Обучи её. Если через месяц насос всё ещё будет барахлить — накажу обоих. — Он помолчал. — А пока — пусть работает. Умные руки здесь редкость.

Он повернулся и пошёл прочь — так же бесшумно, как появился. Только когда его шаги стихли в глубине мастерской, Саша выдохнула.

— Кто это? — спросила Анка.

— Варг. Надсмотрщик. Бывший вершинник. Один из приближённых Хозяйки. — Саша говорила тихо, глядя в проход, где только что стоял Варг. — Он не чешуйник. Он хуже. Чешуйники чувят страх. А он чует мысли. Говорят, ему оставили часть имплантов. А шрам — от удаления остальных. Он сам их вырезал, чтобы не отключались, как у всех. И теперь он слышит, когда врут.

— Это невозможно. Импланты отключены после Падения.

— Я не знаю, что возможно, а что нет. Я знаю только, что он чувствует ложь. Всех, кто ему врал, он отправлял в доныры. Лично. Своими руками.

Анка посмотрела в проход. Там уже никого не было. Но запах — сладковатый, как горелый сахар, — остался. Тот самый, который она чувствовала в мастерских.

Не химия. Он. Его запах.

— Он приходил из-за меня, — сказала она.

— Да. — Саша кивнула. — Он приходит каждый раз, когда появляется новенький. Проверяет. Чует. И ты ему не понравилась.

— Я заметила.

— Но ты ему интересна. — Саша посмотрела на Анку. — Это хуже.

Она повернулась и пошла к мастерским, и Анка — за ней. Но теперь она чувствовала между лопаток холодок — тот самый, который появляется, когда за тобой наблюдают.

Даже если никого нет.

Графит нашли у Миши. Тот, как обычно, болтал без умолку, но, услышав имя Варга, осёкся и побледнел.

— Он был здесь? — спросил Миша, и его обычная улыбка исчезла. — У насосов?

— Да, — сказала Саша.

— И что?

— Ничего. Пока.

Миша посмотрел на Анку. В его глазах мелькнуло что-то — не страх, скорее предупреждение.

— Будь осторожна, новенькая. Варг — это не Клыки. Клыки убивают быстро. Он — медленно.

Анка взяла банку с графитом. Руки у неё не дрожали. Но внутри что-то сжалось — не страх, а расчёт. Варг — угроза. Угроза, которую нельзя убрать быстро. Значит, её нужно

обойти.

Они вернулись к насосам. Работа заняла остаток дня. Анка смазывала клапаны, а сама думала о Варге. О его глазах. О его словах. О том, что он почуял в ней.

«Ты пахнешь знанием».

Она не знала, что именно он имел в виду. Но понимала: отныне каждая минута во Второй Вертикали стала вдвое опаснее.

Когда байпас был открыт и гул стал ровнее, Саша вытерла руки о робу и сказала:

— Ты справилась.

— Мы справились.

— Нет. — Саша покачала головой. — Я просто подавала ключи. Ты сделала всё остальное. — Она помолчала. — Я не знаю, кто ты. И, наверное, не хочу знать. Но если ты сможешь помочь нам — помоги.

Анка посмотрела на неё.

— Я постараюсь.

Саша кивнула. Она не улыбнулась. Но в её глазах мелькнуло что-то, похожее на надежду — или на то, что от неё осталось.

Гайка на шнурке была тёплой. Анка коснулась её — и пошла за Сашей в мастерские.

За спиной у неё, в темноте насосного отсека, тихо гудел Поршень. И где-то там, наверху, Варг ждал. Думал. Чуял.

ГЛАВА 7. СВОДКИ

Алексей не спал третьи сутки.

Он сидел в Зале Совета, перед картой с тремя огоньками, и смотрел на красную точку Второй Вертикали. Анка была там уже две недели. Две недели без связи, без вестей, без единого знака. Он понимал, что так и должно быть — глубокое внедрение не предполагает регулярных донесений, — но от этого понимания было не легче.

Дверь открылась. Вошёл Блинов. Под мышкой он держал папку с отчётами, и по тому, как он её сжимал — пальцы побелели на корешке, — Алексей понял: новости плохие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.